

Дмитрий Кудрец

**Возвращение
к себе**

Дмитрий Кудрец
Возвращение к себе

«Издательские решения»

Кудрец Д.

Возвращение к себе / Д. Кудрец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939168-1

Сложно начинать жизнь заново. Сложно терять старых друзей и заводить новых. Сложно возвращаться в старые места, где тебя считают погибшим. Но еще сложнее возвращаться к себе самому.

ISBN 978-5-44-939168-1

© Кудрец Д.
© Издательские решения

Возвращение к себе

Дмитрий Кудрец

© Дмитрий Кудрец, 2018

ISBN 978-5-4493-9168-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жара. Солнце немилосердно жжет непокрытую голову, горьким комом стоит в пересохшем горле. Весь воздух, кажется, весь насквозь пропитался этим удушливым зноем.

Луг. Поросший густой, необычайно высокой травой и ромашками. Сотнями, тысячами маленьких солнышек на тоненьких ножках. Они покорно опустили свои желтые головки в белых венчиках, склоняясь перед всемогущим величием солнца.

Луг. Расстилающийся словно пестрая скатерть, исчезающий у горизонта в дрожащей дымке раскаленного воздуха. И нет ему ни конца, ни края.

Кузнечики. Невидимые, но пронзающие весь мир своим унылым стрекотанием. То совсем смолкает, то нестерпимо режет слух их неустанное пиликание.

Жара. Луг. Ромашки. Кузнечики. И снова луг, ромашки, кузнечики и жара.

И среди всей этой скрипящей, палящей кутерьмы я кажусь себе необыкновенно маленьким и беспомощным. Хочется спрятаться, убежать. Но куда? Вокруг только этот луг и невыносимая жара. Хочется пить. Хочется спать. Хочется просто упасть на землю и больше никогда не вставать. Вдруг, на какой-то короткий миг все исчезает. Луг, ромашки, кузнечики. Все проваливается в бездонную пропасть и вокруг меня не остается ничего, только пугающая своей тишиной пустота. Но все это длится только миг. И вот снова луг, снова ромашки, снова нестерпимое солнце палит и слепит глаза. Но почему-то не стало слышно кузнечиков. Словно мгла поглотила их всех и унесла вместе с собой в неизведанную даль.

Тишина, совсем недавно пугающая, теперь невыносимо режет слух. И вот, где-то на самом краю луга появилось маленькое облачко. Не то дым, не то пыль. Облачко растет, приближается.

Ближе. Еще ближе. И вот уже можно различить в клубящейся пыли облачка темные силуэты.

Лошади. Их сотни, тысячи. Неизвестно откуда появившись, они несутся, словно одно целое. И нет им числа. И несутся они прямо на меня. И их не сможет ничто остановить. Ни призрачное великолепие луга, ни безжалостное солнце. Ничто.

Ближе, Еще ближе. Хочется закричать, но слова застревают в горле. Хочется убежать, но ноги словно вросли в землю. Хочется... Еще миг и эта словно явившаяся из преисподней громада не оставит от меня и следа. В ужасе я закрываю глаза, безропотно подставляя себя на растерзание мчащейся лавине. Темно, тихо. И только кровь стучит в распаленной голове. Раз, два. Сейчас все будет кончено. Но словно легкий ветерок доносится чей-то тихий голос.

– Сынок.

Показалось.

Три. Четыре. Нет, голос был, словно живой, слышался совсем рядом.

– Сынок.

Пять, шесть. Голос становился все настойчивее.

– Сынок, – голос звучал словно спасение.

Семь... Я открыл глаза. Луг, лошади, ромашки – все пропало. И только белая пелена осталась висеть перед глазами.

– Сынок, – не давал мне покоя чей-то проникновенный голос.

Что-то белоснежное склоняется надо мной. Хочется рассмотреть, но пелена застилает глаза. Голова гудит, мозг не хочет воспринимать реальность. Но вот пелена понемногу отползает, и это туманное белоснежное облако начинает приобретать знакомые очертания. И вот я еще не совсем отчетливо, но довольно ясно вижу перед собой человеческое лицо. Оно улыбается мне. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но пересохшие губы не слушаются.

– Слава богу, очнулся, – лицо, покрытое густой сеткой морщин снова улыбается мне.

– Где я? – выдыхаю я из себя.

– Ничего, родной, все обошлось, – лицо на миг исчезло и появилось вновь. – На-ка, попей немножко.

Губы ощутили прикосновение чего-то холодного и влажного. Горло, пересилив боль, пропустило внутрь долгожданную влагу, которая тут же разлилась приятной истомой по всему телу.

– Ну вот, – лицо продолжало улыбаться. – Молодец, сынок. Ну а теперь поспи чуток.

Слова действуют словно дурман. Веки тяжелеют, и я вновь проваливаюсь во мглу. Но теперь уже теплую и нежную. Сон был коротким и без видений. Открыв глаза, я снова увидел перед собой тоже лицо.

– Ну что, сынок, поспал? – спрашивает меня ласковый голос.

В ответ я еле моргаю отяжелевшими от долго сна веками.

– Пить, – прошу я, и голос мой приобретает некоторую твердость.

И опять влажная прохлада разливается по моему телу.

– Где я?

– В больнице.

– Что со мной?

– Считай, новорожденный. С того света вернули. Слава богу, – лицо чуть заметно крепится.

– А вы?

– А я тут нянечкой работаю.

– ...вать? – мой голос вновь перестает слушаться.

В голове снова застрекотали кузнечики.

– Ну, сынок, хватит тебе разговаривать. Рано еще. Потерпи. Наговоришься. А звать меня баба Груня.

– ...уня, – еле выдавливаю я из себя.

– Отдохни, сынок, – я чувствую легкое прикосновение шершавых рук, поправляющих простынь.

И снова мрак. Но он уже не пугает. Мрак и пустота. Но и она таит в себе что-то неизвестное, новое, таинственное.

Мое выздоровление шло медленно. Каждый день сменялся провалами и двумя-тремя фразами с сиделкой, которая казалось, приросла к стоящему рядом с моей кроватью табурету и поднималась лишь для того, чтобы подать воды и поправить простыни и подушку.

Я не знал счета дням, часам. Все шло своим, известным только моему подсознанию чередом. К концу второй недели я уже начал различать ночь и день. Иногда баба Груня уходила, и я пытался осмотреться вокруг, но тупая боль в затылке не давала повернуть голову, и мне приходилось довольствоваться только белым потолком с тусклой лампочкой. Я не понимал кто я, откуда, как меня зовут. В моей жизни существовало только две вещи – белая комната

и баба Груня. Постепенно сознание начало возвращаться. В воспаленном мозгу плясали языки пламени, сновали люди, в уши бил непрерывный гул, вой и отдаленный крики, смысл которых нельзя было разобрать. Потом все это исчезало, и я опять проваливался во мрак и пустоту.

Иногда в палату входили какие-то люди в белых одеждах. Трогали меня, щипали, кололи, что-то записывали в свои тетради, постоянно переговариваясь, и уходили.

Время шло. Видения становились все явней. Голоса все отчетливее. И вот в один из дней от группы отделился один человек и, присев рядом на кровать, положил тяжелую руку мне на плечо.

– А они говорили – не жилец. Вы только посмотрите на него, – обратился он к стоящим. – Да он черта лысого переживет. Да, брат, задал ты нам задачку. Думали, все, конец. А на тебе – выкарабкался. Молодец!

Человек слегка потрепал меня по плечу. Затем встал, шепнул что-то бабе Груне, и все удалились.

Я пытался понять смысл услышанного, но мозг упорно не хотел подчиняться. Веки слипались, и я опять провалился в бездну. Очнувшись, я осмотрелся по сторонам. Бабы Груни не было. Я попытался приподняться, но боль в затылке пронзила мозг и все мое тело, и я беспомощно упал на подушку. Неизвестно откуда подскочила баба Груня.

– Ишь ты, какой шустрый! – зашебетала она. – Еще вчера в могилу смотрел, а сегодня скакать пытается! Лежи еще!

– Надоело, – проговорил я.

– Мало ли кому что надоело. Время придет – наскочишься. А пока лежи, – баба Груня поправила подушку.

Не знаю почему, но я доверял словам этой милой старушки больше, чем самому себе.

Время шло. Понемногу я стал вспоминать. Вспомнил, что зовут меня Алексеем Столяровым. Что у меня, как и всех людей, есть дом. Что жил я в небольшом захолустном городке. Вспомнил школу, в которой учился и сад, в который лазил со своими товарищами за грушами. И все. Больше я ничего не мог вспомнить. Прошлое висело перед глазами двумя тусклыми пятнами. Одно большое, а другое совсем крошечное. И еще огонь, длинные языки огня и крик, пронзительный и далекий. Не смотря на все мои усилия что-либо вспомнить, попытки так и оставались безрезультатными.

Баба Груня стала появляться реже. Я чаще стал оставаться наедине с собой и своими мыслями. Я понемногу приходил в себя и мог уже шевелить пальцами и немного поворачивать голову, не боясь, что боль опять пронзит все тело.

Медленно, но уверенно я шел на поправку. Как-то, разговаривая со своей сиделкой, я признался, что не могу вспомнить своего лица, на что старушка захохла и на все мои просьбы принести зеркало, отвечала отказом или ссылаясь на неотложные дела. Но, в конце концов, поддавшись моим уговорам, она принесла осколок зеркальца и поднесла к моему лицу. В первое мгновение я ничего не понял. На меня смотрели два удивленных глаза и все. И больше ничего. Потом я сообразил, что вся голова моя, как и тело, было обмотано белыми бинтами. Я лежал спеленатый, словно новорожденный младенец и только узкая полоска давала доступ к внешнему миру двум усталым серо-голубым глазам. Баба Груня убрала осколок от моего лица. Увиденное ошеломило меня и больше я не пытался себя рассмотреть.

Время шло. Прошлое постепенно возвращалось ко мне. Обрывками, кусками, крупинками. Слово листы, вырванные из книги, я связывал свое прошлое в единое целое. Я уже отчетливо видел свой дом, друзей, свою неугомонную тетку Алевтину, которая вырастила и воспитала меня. Армейские наряды и работу в автопарке.

Я явно видел то, что когда-то было со мной, но всякий раз в моих воспоминаниях два темных пятна и бесконечный огонь.

Время шло. С меня понемногу стали снимать бинты. Я начал ходить. Первый раз меня хватило на то, чтобы встать у кровати. Но онемевшие от длительного лежания ноги не повиновались мне и голова, поднятая на непривычную для нее высоту, закружилась. Я упал. Не знаю, что бы было со мной, если бы вовремя не оказался под рукой баба Груня.

Баба Груня – мой ангел-хранитель. Она проводила со мной почти все свое время. Я ей рассказывал о своем прошлом. Она внимательно слушала и просила рассказывать еще. И я рассказывал. Она слушала молча, терпеливо, качая головой в такт моим словам. О себе рассказывать баба Груня не хотела. И на все мои расспросы только отмахивалась.

– Да что там рассказывать! – и переводила разговор на другую тему.

Время шло. Я уже ходил по палате и начал даже выходить в коридор. Бинты с моего тела окончательно сняли. Но на лице по-прежнему оставалась уродливо-смешная маска. На все мои вопросы, когда снимут остальные бинты, врач отвечал, что скоро. И мне оставалось только ждать.

От бабы Груни мне удалось выведать, что пару месяцев назад я попал в какую-то аварию. Слово катастрофа, как мне объяснили потом, старушка просто не могла выговорить. Я стал осознавать, что за огонь пылал в моих видениях. Но два темных пятна до сих пор оставались для меня загадкой. Пока...

Однажды я стоял у окна и смотрел, как весна уверенно утверждалась на земле, напрочь стирая следы минувшей зимы. Под окнами раскинулся большой яблоневый сад, укутанный белым снегом душистых цветков. словно гигантские одуванчики, стройными рядами тянулись деревья до кованой ограды, за которой кипела, лилась и бурлила далекая от меня жизнь.

Вот я заметил возле ограды одну пару – мать и маленькую девочку, которая, прислонившись к железным прутьям ограды, показывала пальцем на белоснежные хлопья цветущих яблонь. Слов не было слышно, но было понятно, что ей хотелось оторвать одну чистую, благоухающую ароматом весны веточку. Мать упорно тянула ее за руку прочь от ограды. И вдруг...

– Оля, ну куда ты пропала? – раздался в коридоре визгливый голос.

На меня вновь навалилась серая пелена. Голова закружилась, и я стал проваливаться во мглу. Чтобы не упасть, я ухватился за подоконник.

– Боже мой! Оля, Оленька, Оля! Как же я мог забыть? Оля, доченька моя! Наташа! Милая, родная, ненаглядная моя! – мозг лихорадочно заработал, возвращая сознанию, казалось, навсегда утраченные лица.

Подскочила баба Груня.

– Сынок, тебе плохо?

– Да нет, баба Груня, мне хорошо, – я пытался улыбнуться. – Я вспомнил, вспомнил.

Прилив радости, казалось, сейчас перехлынет через край и разнесет меня на миллиарды осколков.

– Да ты присядь! – суежилась нянька, проводив меня в палату. – Присядь, сынок.

Бережно, словно я был из стекла, она опустила меня на кровать.

– Я вспомнил! Баба Груня, я вспомнил! – голос мой дрожал. – Дочка, баба Груня. У меня есть дочка – Оля. И жена – Наташа. Как же я их мог забыть?

– Ну и хорошо! Ну и молодец, – нянька ласково гладила меня словно маленького по голове своей сухонькой рукой. – Вот. Видишь, вспомнил. А ты мне не верил.

Баба Груня заплакала:

– А ты не верил!

Слезы навернулись у меня на глазах. Мне хотелось сейчас, сию минуту рвануть домой к своим ненаглядным, своим родным, своим любимым. Хотелось петь, плясать, раскинуть в стороны руки, прыгнуть и словно птица взлететь и так лететь вверх до самого солнца. Хотелось крикнуть на весь мир, во все горло:

– Я вспомнил! Вспомнил!

Но до этого было еще очень далеко.

На следующее утро я проснулся от легкого прикосновения. Кто-то тряс меня за плечо. Я приоткрыл глаза. Надо мной склонился мой лечащий врач, которого в больнице все называли по отчеству – Семеныч. Рядом с ним стояла молоденькая медсестра в халатике, который еле прикрывает ее ноги. Где-то в уголке палаты притаилась баба Груня.

– Ну вы и спите молодой человек, – улыбнулся Семеныч. – Двенадцатый час, а он спит, как младенец.

Я пытаюсь подняться, но врач жестом останавливает меня.

– Ну что? Домой хочется? – и, не дав мне ответить, продолжает. – Знаю, что хочется. Скоро уже. Совсем скоро.

– Когда?

– Ну не сегодня, конечно, – протянул Семеныч. – И не завтра. Но недельки через две-три, я думаю, будет можно. Если, конечно, будешь себя хорошо вести.

– Спасибо, доктор.

– Да мне за что? – врач кивнул в сторону бабы Груни. – Ты вот ей скажи спасибо. Если бы не она...

Доктор многозначительно покачал головой. Затем что-то пробормотал медсестре и они вышли. Я опустил ноги на пол.

– Что значит, если будешь себя хорошо вести? – недоуменно спросил я у бабы Груни.

– Не знаю, – пожала плечами старушка, принимаясь за свои привычные дела.

Плеснула воды на пол и резкими, уверенными движениями стала растирать ее тряпкой. Я, чтобы не мешать ей, слез с постели и вышел в коридор, подошел к распахнутому настежь окну.

Весна набирала полную силу. На деревьях уже проблескивали первые брызги нежной зелени. Отцветшие яблони жалобно роняли на землю нежные лепестки. Я жадно вдохнул еще сыроватый, но уже довольно теплый и свежий весенний воздух и не торопился выдохнуть. Вот так бы набрать полную грудь апрельского аромата и не дышать, пока все тело не пропитается запахом свежей зелени, яблоневых цветов и душистого ветерка.

– Столяров! – послышалось сзади.

Я выдохнул и обернулся. За спиной стояла медсестра с кучей карточек, бланков, тетрадок в руках.

– Столяров! – резко бросила она. – Зайдешь сначала в процедурный, а затем в перевязочную.

Сказала и спешно засемила, стуча каблучками по каменному полу. Я неохотно поплелся в процедурный кабинет. Все как обычно. Уколы, измерения, записи. Никаких слов. Никаких чувств. После процедур я направился в перевязочную. В коридоре я встретил бабу Груню. Та как-то хитро и многозначительно подмигнула мне. Я в ответ пожал плечами. В перевязочной никого не было. Я собрался уходить, как в кабинет вошли Семеныч и сестра.

– Уже здесь? – спросил он. – Молодец. Вот, Зиночка, вам прямой пример воспитанности и дисциплинированности. Не то, что некоторые.

Последняя фраза относилась, скорее всего, к самой Зиночке, потому что она тут же залилась румянцем и опустила глаза.

– Ну-с, – Семеныч присел на стул напротив меня. – Будем лишать вас удовольствия.

– Какого удовольствия? – не понял я.

– Будем снимать с вас эту маску, – врач описал рукой круг возле лица. – Зиночка, начинайте.

Внутри меня что-то екнуло, дрогнуло, и сердце заколотилось все быстрее. «Почему я так волнуюсь, словно школьник на экзамене? Все же хорошо. Все нормально. Так и должно быть.

Это значит, что я скоро буду дома. Рядом со своими родными и любимыми. Это значит, что я скоро увижу своих Ольку и Наташу. Глупое сердце! Радоваться надо, а ты боишься!»

– Ну, вот и все, – словно приговор прозвучало в тишине.

Я медленно открыл глаза. Зиночка, смотав бинты в клубок, швырнула их в урну. Семеныч что-то записывал в толстую тетрадь. Бросив ручку, он повернулся ко мне и удовлетворенно произнес:

– Ну, вот и все. На-ка посмотри на себя, – и он протянул мне круглое зеркало на тонкой ручке.

Я, немного смущаясь, краем глаза взглянул в зеркало. Сначала чуть-чуть, мельком. Затем, осмелев, я остановил взгляд на своем отражении. Из глубины тонкого стекла серо-голубыми глазами смотрел на меня неизвестный мне человек с абсолютно чужим, незнакомым мне лицом. Миг замешательства и в глубинах подсознания я понял, что этот никогда не видимый мне ранее человек и есть я сам.

Поезд, устало стуча колесами, летел навстречу неизвестности. За окном то и дело пролетали деревья, столбы, еще пустые огороды и свежевспаханные поля, над которыми темным облаком крича и ссорясь, летали вороны.

– Домой, домой, домой, – в такт колесам стучало в голове.

Перед глазами вставал вчерашний день с его нудной суетой, недолгими сборами и тоскливыми проводами. Если бы не баба Груня, то, наверное, кроме вокзальных голубей и случайно забредшего на перрон кота, меня и провожать бы было некому. Несколько слезинок и бесконечно долгое ожидание поезда. Плакать и говорить не было смысла. Все давно было сказано и все давно было выплакано. Скупой поцелуй, пирожки на дорогу, билет купленный на неизвестно какие сбережения. Вот и все, что осталось от моей добросердечной сиделки. Ни обещаний писать, ни обещаний приезжать друг к другу в гости. Ничего. Только пара слов:

– Спасибо за все.

Поезд настойчиво стучал по рельсам, лишь изредка смолкая, останавливаясь на какой-нибудь станции. Не то для того, чтобы передохнуть и набраться сил для нового стука и скрежета, не то для того, чтобы просто приглядеться к новому месту и выпустить и впустить в свои вагоны новую порцию пассажиров.

Голова была пуста. Никакой грусти от расставания. Никакой радости от предстоящей встречи. Просто утомительное долгое ожидание. Что там впереди? Как примут меня после долгой разлуки? Как все сложится? По старому? Или все нужно будет начинать сначала? Мысли носились в голове. Я отгонял их сном и короткими беседами со случайными попутчиками. Так за разговорами и пустыми взглядами в окно я подъехал к городу, откуда недавно меня унес такой же поезд.

Состав, утомившийся от непрерывной встряски, дрогнул в последний раз, тяжело вздохнул и, тихо сопя, остановился.

– Приехали, – пробормотала заспанная проводница и побежала дальше.

Перрон был полупуст. В небольших городках обычно ранним утром на улице встречается немного народу. Пара случайных прохожих, дворник с только что наломанной из березовых веток метлой, да еще несколько человек, сонно вывалившихся из вагонов и тут же умчавшихся со своими бесчисленными свертками, чемоданами, корзинками. Моя поклажа состояла всего из пластикового пакета, в котором недавно были пирожки. А сейчас он тяготил меня своей пустотой. Я выбросил пакет в ближайшую урну и вздохнул, словно избавился от непосильной ноши.

– Вот я и дома, – не то утверждая, не то спрашивая, произнес я.

Дворник подозрительно посмотрел на меня и снова принялся размахивать своей метлой, которая не столько подметала утреннюю грязь, сколько разбрасывала вокруг себя молодые березовые сережки, что всю осыпались с тоненьких веток.

Город меня не ждал. Как впрочем, не ждал никого. Все было знакомым и в то же время казалось новым и неизведанным. Не боясь заблудиться, и полностью доверившись своей интуиции, я брел пустынными улочками в заветный, знакомый до каждого камня, каждой выбоины двор. Дорога была недлинной, но мне она показалась бесконечной. Страх и радость давили изнутри. Вот, наконец, из-за угла показалась старая ржавая калитка, уже давно не закрывавшаяся. Но никому и не приходило в голову ее убрать. Так и висела она на одной петле, кованная местным кузнецом-художником, словно напоминание о былых временах. Вот и старая покоренная от времени и ребячьих набегов липа, которая служила и спасителем в жаркие дни от знойного солнца и помехой электрикам из-за постоянно растущих веток, которые то и дело обрывали электрические провода. Вот и лавочка у самого подъезда, которую еще в школе с мальчишками мы смастерили из стянутой на стройке доски, за что были пойманы и наказаны. Ребята, окончив школу, разлетелись кто куда. А лавочка до сих пор стоит. Я присел на край, закурил. Вот я и дома. Осталось только подняться на третий этаж, позвонить в обитую черным дерматином дверь, украшенную перевитой медной проволокой и...

– Ты чего тут расселся? Места что ли другого не нашел? – послышался надо мной чей-то недовольный голос.

Я оглянулся голову. Возле меня стояла незнакомая мне грузная тетка с ведром в руках.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Ходит тут шпана всякая. Того и гляди, что что-нибудь сопрут, – не обращая на меня никакого внимания, тетка направилась к колонке за водой.

Тугая струя воды ударила по дну ведра, заглушив ворчание незнакомки. Мне не хотелось заводить с ней и, поднявшись со скамейки, я направился к двери подъезда.

– Ты куда пошел? – донеслось мне в спину.

– Живу я тут, – не оборачиваясь, ответил я.

Тетка пыталась что-то сказать, но я уже вошел в подъезд, сердито хлопнув дверью. Три лестничных марша я пролетел на одном дыхании. Вот и знакомая дверь. Дерматин кое-где уже начал протираться. Оторванная в одном месте проволока болталась, словно обрывок паутины. У двери сердце мое заколотилось с неистовой скоростью. Помедлив, я протянул руку к звонку. Пальцы мои дрожали. Не то от утренней прохлады, не то от вдруг нахлынувшего волнения. Я позвонил. В ответ ничего.

– Что же они так долго не открывают? – заволновался я.

Позвонил еще раз. Опять ничего.

– Может, дома нет никого? Вряд ли, – я в третий раз протянул руку к звонку, но позвонить не успел.

За дверью послышались неторопливые шаги. Щелкнул замок, дверь приоткрылась.

– Вам кого? – сонная Наташа недоуменно хлопала глазами..

– Здравствуйте, – в замешательстве произнес я.

– Здравствуйте, – вяло поздоровалась она. – Вам кого?

Я не понял вопроса.

– Это же я – Алексей!

– Алеша погиб, – как-то равнодушно произнесла она.

– Как погиб? – удивился я.

– В катастрофе, – безрадостно ответила Наташа.

– В какой катастрофе? – я абсолютно ничего не мог понять.

– А вы что? – Наташа смотрела на меня, слово на чужака. – Алешин знакомый?

– Да нет же! – недоумевал я. – Я Алексей.

– Знаете, ваши шутки здесь неуместны, – она попыталась захлопнуть передо мною дверь, но тут в проем втиснулся маленький человечек с большими голубыми глазами.

– Мама, это папа приехал?

– Нет, Оля. Это чужой дядя, – она отстранила девочку от двери.

– Разве это не наш папа?

– Здравствуй, Олька, – присел я на корточки.

– Папа? – прошептала малышка, но тут ее снова перебила мать.

– Если вы что-то хотите, то говорите сразу.

– Но я же! – я не понимал, поему Наташа не узнает меня.

Потом меня осенило – у меня же теперь совсем другое лицо. Лицо, к которому она еще не привыкла. Я машинально стал рыскать по карманам в поисках справки, что мне дали в больнице. Выудив смятый листок, я протянул его жене.

– Да вот же! Читайте!

Я протянул справку Наташе, в надежде, что хоть бумага развеет все сомнения на мой счет. Она небрежно взглянула на нее и, зевнув, безразлично произнесла:

– Ну и что?

– Как ну и что? – воскликнул я. – Там же все написано!

– Знаете что, если вам хочется поиздеваться или завести со мной знакомство вы бы могли придумать и что-нибудь пооригинальней, – она хлопнула дверь перед моим носом, оставив меня стоять у закрытой двери со справкой в руках.

Я ничего не понимал.

«Ну ладно! Я немного не похож на прежнего Алексея, но справка выдана на мое имя!»

Я бросил взгляд на бумажку и ужаснулся. Четким подчеркиком в графе Ф. И. О. было написано Сазонов Борис Алексеевич.

– Черт возьми! – выругался я и хотел было снова позвонить в дверь. Но внутренний голос подсказал мне, что сейчас этого не стоит делать. Я все равно ничего не смог бы доказать и объяснить. Кроме справки у меня не было больше никаких документов. Все сгорело в том ужасном пламени, который до сих пор преследовал меня в моих снах. Сгорело вместе с моей прежней жизнью, не оставив ничего. Ни имени, ни лица.

Осознав безвыходность своего положения, я отрешенно начал спускаться по ступенькам вниз. До меня доносился Наташин голос, она что-то объясняла Ольке. Но для меня это было потеряно. Тонкая ниточка, которая связывала меня с прошлым, оборвалась.

Ступеньки были бесконечными. Медленно я спустился на первый этаж. На лестничной клетке возилась с непослушным замком моя бывшая учительница.

– Здравствуйте, Анна Петровна, – машинально произнес я.

– Здравствуйте, – продолжая возиться с замком, ответила она.

– Вам помочь?

– Да если не трудно, – она пропустила меня к двери. – Никак не могу открыть. Замок старый, а новый никак купить не соберусь. Вот и мучаюсь.

Я немного повозился и замок поддался.

– Прошу вас, – я распахнул дверь.

– Спасибо, Алеша.

Слова как громом поразили меня.

– Как вы сказали?

– Алеша. Или я ошибаюсь?

– Да. То есть, нет, – я опешил. – Извините, мне пора.

– И ты не зайдешь? – Анна Петровна кивнула в сторону двери. – Хотя бы на минутку? Помнится, в школе вы часто любили забегать ко мне после уроков на чай.

– Да, – вздохнул я. – Чай у вас отменный.

– Проходи, – она подтолкнула меня в квартиру. – Не стесняйся.

Анна Петровна не приказывала, но голос ее звучал так призывно, что я поддался.

Я мешал не растворившийся сахар в стакане с остывшим чаем. Солнечный зайчик весело скакал по стенам и столу, пытаюсь искупаться в коричневом напитке. С улицы доносились дребезжанье трамваев и шум пронесившихся мимо машин. Ходики на стене вторили их монотонному гулу.

– Вот такие дела, Анна Петровна, – я оставил в покое стакан.

– Да, Алеша, Анна Петровна сочувственно вздохнула. – Что я могу сказать тебе? Ты сам должен все решить. Никто не властен решать за других. Ты и только ты должен во всем разобраться. Ты это сможешь. Я тебе верю. Помню даже в школе, если у тебя что-то не получалось, ты сам всегда пытался во всем разобраться. А чужую помощь принимал иногда, как оскорбление.

– Но это же в школе.

– А ты думаешь, что человек меняется?

– Меняется. Еще как меняется.

– Я в это не верю, – отмахнулась учительница. – Человек всегда остается таким, каким он есть. Таким, каким сотворила его природа. Но всякие обстоятельства заставляют его действовать не так, как ему хочется. Не так, как это заложено природой. Одни подчиняются обстоятельствам. Другие пробуют им противостоять. У всех по-разному. Прислушайся, что тебе подсказывает сердце и сделай так. Я думаю, что ты не ошибешься.

Кукушка на часах начала куковать. Я встал из-за стола.

– Спасибо вам. Анна Петровна.

– За что?

– Просто спасибо, – я направился к выходу, но у самой двери задержался. – Анна Петровна, можно вас спросить?

– Конечно, спрашивай.

– Как вы догадались? Вернее как вы узнали, что я Алексей?

– Можно изменить имя, – ответила учительница. – Можно изменить лицо, но душу человека изменить нельзя. А я к тому же почти совсем ничего не вижу. Так что, каким бы ты ни был, ты для меня останешься навсегда Алексеем Столяровым, моим лучшим учеником.

– Да ладно, лучшим, – отмахнулся я. – Одни тройки в аттестате.

– Я оцениваю людей не по оценкам, а по их делам.

– Анна Петровна, а вы не могли бы сказать моим...

– Увы, Алеша, но этого я сделать не могу. Тебе нужно это сделать самому.

– Еще раз спасибо, – сказал я, выходя на площадку. – А замок я вам почию. Попозже, но почию.

Город, такой родной и знакомый с детства вдруг стал для меня чужим, и, казалось, навсегда потерянным. Узенькие улочки, протоптанные когда-то вдоль и поперек, давили, будто пытаюсь прогнать. Высокие заборы, с которых нас несмышленных ребятишек не раз приходилось снимать ворчливым дворникам, оцетинились и походили на зубы какого-то неизвестного хищника. И я никак не мог понять, по велению какого чародея, все это в одно мгновение стало не моим. Стало чужим и далеким. Знакомые предметы стали терять свои очертания, словно весь город затянуло серым туманом. А я иду сквозь этот туман. Слепленный, оглохший иду, и сам не знаю, куда и зачем. Никуда и ни зачем. Вперед. Вдоль запыленных витрин с пожелтевшими картонными коробками, манекенами, с глазами, вытаращенными не то от удивления, не то от усталости. Мимо проржавевших водосточных труб, которые то и дело вздрагивали

даже от легкого дуновения ветерка. Мимо прошлого и давно ушедшего. Не знаю, сколько и где я ходил, пока не набрел на свежеекрашенную в ядовитый зеленый цвет скамейку в каком-то позаброшенном парке. Осматриваться по сторонам не было ни сил, ни желания. Меня окружала какая-то внезапно нахлынувшая пустота. И снова загудело, закружилось в голове, будто я опять оказался на больничной койке. Но только вместо тусклой лампочки над головой висело, робко расправлявшее лучи весеннее солнце. Я тихо опустил, закурил. Кто я теперь? Человек без прошлого, без будущего. Я уже совсем не я. Будь проклят тот день, когда мне сняли повязку с лица. Будь проклято то зеркало, в котором отразился другой человек. Будь проклята та медсестра, перепутавшая бумаги. Будь проклят вообще тот день, когда я появился на этот свет. Хотя, какой смысл кого-то винить? Как сказал один человек – от судьбы не уйдешь. И он по-своему прав. Значит, все-таки она есть – судьба. И не стоит ей противиться. Ну уж нет! Дудки! Я буду не я, если начну подчиняться какой-то несуществующей судьбе. Пусть она подчиняется мне. На какое-то мгновение внутри что-то щелкнуло, дернулось. Я резко встал, чтобы шагнуть, но мысль о своей потерянности одолела мое сердце, и я опять шлепнулся на скамейку. Смеркалось. Последний солнечный луч еще щекотал крыши домов, но ночь уверенно наступала на город. В окнах загорались желтые огоньки ламп и голубые огоньки телевизоров. Деревья и дома постепенно стали растворяться в сумрачной прохладе. Я докурив последнюю сигарету. Одним движением смял пачку и швырнул ее в стоявшую неподалеку урну. Пачка, описав немислимую траекторию, шлепнулась рядом с урной.

– Ай-ай-ай, – послышалось за спиной.

Я обернулся. За мной стоял невысокий старичок со смешной седой шевелюрой. Качая головой, он подошел к брошенной мною пачке, поднял ее и бросил в урну.

– Нехорошо, молодой человек. Нехорошо сорить.

– Извините, – пробормотал я.

– Урна стоит, а все словно нарочно норовят мимо бросить, – продолжал старичок. – Зачем тогда ставят урны? Кому это нужно делать столько урн, ставить их по всему городу? Для чего? Чтобы все бросали мимо них? А нам дворникам ходи, подбирай. Нехорошо.

– Я случайно, – оправдывался я.

– Ну конечно. Все мы делаем случайно. Бумагу бросаем случайно. Заборы ломаем случайно. Стекла бьем тоже случайно. Не жизнь, а сплошная случайность.

Старичок продолжал бормотать себе под нос, собирая разбросанные вокруг палочки от мороженого, конфетные обертки и окурки. Иногда некоторые бумажки он клал прямо себе в карман. Я собрался уйти, но старичок окликнул меня.

– Это не ваше, молодой человек?

Я посмотрел на старика. Он протягивал мне совсем новенькую трешку. Я отрицательно покачал головой. Старичок, пожав плечами, сунул бумажку в карман.

– Люди часто теряют деньги. Ключи теряют, документы. А потом все бегают, спрашивают. Дядя Соломон. Вы не видели? А я что бюро находок? Ну найду, отдам. Но я же не бегаю по всему городу. Парк и двор, вот и вся моя территория. А все бегут, спрашивают. Не видели? А вы, я вижу, молодой человек, не торопитесь. Время позднее, ночи темные, холодные. Нечего вам тут торчать. Идите домой.

– Да куда мне идти, – я бросил взгляд в сторону дома, в который мне не было возврата.

– Вы что нездешний?

– Да нет. Здешний.

– Ну раз здешний, значит идите домой. Что толку тут торчать?

– Да нет у меня дома.

– Как это нет? – удивленно вскрикнул старичок. – У каждого человека есть дом. Даже у кошек и собак есть дом.

– У кошек и собак есть, а вот у меня теперь нет.

– Вас выгнали? – не без любопытства спросил старичок.

– Нет.

– Вы сами ушли?

– Нет.

– Ну тогда я вас не понимаю, – Соломон растеряно развел руками. – Был дом. Нет дома.

Не понимаю.

– Да долго объяснять, – я махнул рукой.

– Как хотите. Соломон никогда не лезет в душу. Поговорить он любит, но лезть в душу...

Это святое, – старик почему-то все время обращался к себе как ко второму лицу. – Если нужно человек сам расскажет дяде Соломону. А так, чтобы в душу лезть. Нет, никогда.

Старичок вытряхнул последнюю урну в тележку, бросил сверху метлу и собрался уезжать.

– Давайте я вам помогу, – неизвестно отчего предложил я.

Старичок удивленно вскинул густые брови.

– Боже мой! Соломон, у тебя сегодня праздник. Столько лет и вдруг незнакомый молодой человек предлагает тебе свою помощь. Соломон, непусти такую возможность. Конечно. Если вам не тяжело.

– Да что уж там, – я взялся за ручки.

Толкнул и старая тележка, издав странный звук, покатилась вперед. Соломон бежал то с одной стороны, то с другой, то забегал вперед, что-то рассказывая самому себе, усердно помогая руками и заодно показывая путь.

Спустя несколько минут мы очутились в небольшом дворике. Как только мы въехали в калитку, старичок закричал:

– Голда, бросай шитье! Ставь самовар! У нас сегодня праздник! Нет, нет, ничего не спрашивай! Пусть это будет для тебя сюрпризом. Бросайте эту колымагу здесь. Никак не заведу новую. Знаете, старый человек, старые вещи. К новому трудно привыкать. Вы не спешите? Хотя куда вам теперь спешить. Ночуйте у меня. Соломон приглашает. И не отказывайтесь. Соломон не любит, когда ему отказывают. Голда, накрывай стол. Проходите, проходите. Нет, нет, разуваться не надо вы все же гость.

Я вошел вслед за Соломоном по длинному темному коридору в небольшую комнату. Под потолком горела лампочка без абажура. Около стены стоял диван. Возле него, почти вплотную, стоял огромный стол. Комната была совсем маленькая. В ней с трудом могло разместиться три человека.

– Проходите, присаживайтесь, – старичок кивнул в сторону дивана и исчез за цветастой занавеской, по-видимому, ведущей не то на кухню, не то в другую комнату.

Боясь показаться наглыми невоспитанным, я остался стоять у входа. Тут из-за занавески с самоваром в руках вышла женщина, и мне волей-неволей пришлось сесть на диван, освобождая ей подступ к столу. Следом за ней с блюдами, чашками, пакетиками в руках выбежал Соломон и в считанные секунды разбросал это по столу. Все сели.

– Голда, – заверещал Соломон. – Этот молодой человек оказал мне сегодня неоценимую услугу. Он помог мне довести мою колымагу до нашего двора. Ты же знаешь, что в последнее время она все чаще и чаще перестает меня слушаться. Старая стала. А выбросить жалко. Привычка.

Соломон говорил о своей тележке словно о живом существе.

– Ой, – Соломон вскочил из-за стола. – Я же вас еще не познакомил! Это Голда, моя дочь.

Голда стеснительно опустила глаза, поправила шаль и стала разливать чай.

– А этот молодой человек, – Соломон замялся, поняв, что за всеми разговорами он забыл спросить мое имя.

– Алексей, – подсказал я, но, осмыслив, что это имя для меня потеряно, исправился и отчеканил то, что было написано в больничной справке. – Сазонов Борис Алексеевич. Можно просто Боря.

Голда утвердительно опустила глаза. Чаепитие длилось недолго. Голда все время поправляла шаль и посматривала в окно, словно высматривая что-то. Соломон без устали что-то рассказывал, обращаясь в основном к себе. А я слушал его торопливую речь, смотрел в чашку и пересчитывал плававшие в темном напитке редкие чайники. Убрали со стола. Голда принесла простыню, подушку и одеяло.

– Ложитесь на диване, – это были первые ее слова за весь вечер.

Положив белье на край дивана, она повернулась, чтобы уйти, но, задержавшись на мгновение, добавила:

– Туалет во дворе.

И исчезла за цветастой занавеской.

Я расстелил простынь. Бросил подушку в изголовье. Как странно все получается. Чужие люди дают крови стол, а свои... Интересно, Оля уже, наверное, спит? Завтра нужно будет сходить, хотя бы одним глазком посмотреть на нее. Завтра. Завтра у тебя Борис Алексеевич будет куча дел. Смешно и странно было называть себя другим, ничего не говорящим именем. Но нужно было привыкать. Алексея Столярова больше нет. Есть товарищ Сазонов Борис Алексеевич, такого-то года рождения, беспаспортный, безобразованный, безработный.

Я погасил свет. Разделся и нырнул в постель. Диван охнул подо мной и, издав еще пару странных тоскливых звуков, затих, словно смирившись с тем, что сегодня ночью ему придется потрудиться, держа на себе непривычную для него тяжесть. Не спалось. Из-за занавески доносились приглушенные голоса. Дочь выговаривала отца за гостя. На что тот отвечал какими-то странными звуками и возгласами. Вскоре голоса умолкли. За окном накрапывал дождь. Было хорошо слышно, как редкие капли барабанили по стеклу, словно испытывая его прочность. Но вот, словно осмелев, дождь начал барабанит все чаще и чаще, сливаясь с монотонным гудением проводов и далеким стуком уносящегося куда-то далеко поезда. Так, под эту незатейливую музыку я и уснул.

Утро было прекрасное. Не скупящееся на тепло солнце то и дело разбрасывало вокруг тысячи тоненьких лучиков, которые, казалось, пронизывали не только отсыревший от ночного дождя воздух, но и проникали во все щели, во все окна и подворотни, вздрагивая нас стенах и заборах маленькими пятнышками солнечных зайчиков. От вечернего ливня остались лишь жалкие, еще не успевшие полностью высохнуть лужицы и еще не осыпавшиеся с веток капельки. Город. Выплеснув в очередной раз клуб пыли и копоти, разворачивался в ему привычном суетливом толпящемся ритме. Трамваи, звеня, приглашали людей втиснуться в свежескрашенные вагончики и с жалобным стоном везли их по стертым вздрагивающим от непосильной ноши рельсам. На время трамваи стихали, но затем снова втискивали и вжимали в свое нутро новую порцию нахлынувших людей.

Соломона дома не было. Его дочь с кем-то бойко спорила под окном. После привычных утренних процедур, доведенных до автоматизма, я выскочил во двор. Меня тут же окатило пьяняще-дурманящей свежестью.

– Доброе утро, – бросил я в сторону Голды, потянул за ручку калитки и оказался на улице.

Первым делом я отправился навестить своих, попытаться еще раз. Может быть, я вчера сделал или сказал что-то не так, всякое бывает. Нужно поскорее исправить свою ошибку.

Дом оказался в двух кварталах от жилища Соломона.

«Странно, как это я его раньше не встречал. Хотя. Чему удивляться? Прежняя жизнь моя была четкой и размеренной. Дом, работа, магазин, дом, друзья. Одни и те же дороги. Одни

и те же лица. В городе всегда так. Можно всю жизнь прожить на одном месте и не знать, кто живет в соседнем подъезде».

На мое счастье сварливой вчерашней тетки во дворе не оказалось. Я не стал подниматься наверх, а присел на скамейку. Рука машинально потянулась в карман за сигаретами. Но, вспомнив, что они закончились еще вчера, я отдернул руку. Я достал спичку и сунул ее в рот, чтобы как-то заглушить нестерпимое желание закурить.

Вот скрипнула входная дверь и по ступенькам сбежала Оля. Увидев меня, она вдруг остановилась и, словно чего-то испугавшись, снова вбежала в подъезд. Спустя минуту она вышла снова, держа за руку своей матери, на ходу застегивавшей сумку. Я рванулся к ним навстречу.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – не глядя, ответила Наташа, направляясь в сторону детского сада.

Я повернул вслед за ними.

– Вы меня извините, – рассеянно бормотал я. – Вчера, наверное, я не то сказал. Понимаете, только с поезда и прямо к вам.

Наташа не останавливалась, таща за собой ребенка. Я продолжал оправдываться.

– Я не хотел вам доставить неприятности. Я только хотел поговорить, объясниться. Вы меня неправильно поняли.

Мать с ребенком на мгновение остановились.

– Я вас прекрасно поняла. И нечего себя больше утруждать. Извините, но я спешу. До свидания, – и она снова зашагала четким шагом в сторону сада.

– Но мне нужно с вами поговорить! – крикнул я ей вслед.

– Нам не о чем с вами разговаривать, – не оборачиваясь, отрезала Наташа и скрылась за углом.

А я остался стоять, как вкопанный на месте, в который раз оплеванный судьбой. День был для меня потерян. Помедлив минутку, я поплелся по еще влажной мостовой. Задержался на мгновение возле киоска «Союзпечати», чтобы купить сигарет и направился в сторону милиции, чтобы уладить дела с получением паспорта.

Отстояв огромную очередь, я вошел в кабинет. Меня встретила молоденькая девушка, беспрерывно переключавшая бумажки с места на место.

– Что вам? – не прерывая своего дела, спросила она.

– Паспорт получить.

– В паспортный стол, – сердито отрезала она.

– Но мне нужен новый.

– Пишите заявление. Образец в коридоре, – пробурчала она, протягивая мне листы бумаги.

Я вышел в коридор, положил перед собой лист.

– Извините, у вас ручки не найдется? – я обратился к старушке, складывавшей в целлофановый пакет кучу документов и бумаг, а про себя подумал «Неужели и мне все это предстоит?».

Старушка протянула мне шариковую ручку, обмотанную синей изолентой. Я быстро накромял заявление и снова вошел в кабинет.

– Вот, пожалуйста, – протянул я ей бумагу.

Девушка, не глядя, взяла лист.

– Свидетельство о рождении.

– У меня его нет.

– Военный билет.

– Тоже нет.

– Ну, знаете, – девушка сунула мне заявление обратно.

Я снова положил его ей на стол.

– Понимаете, девушка, все документы и свидетельство и паспорт и военный билет у меня украли, – солгал я ей, понимая, что этой бумажной кукле ничего не втолкуешь.

– Заявление об утере есть?

– Нет, – промямлил я. – Понимаете...

– Кошмар, – девушка закатила глаза к небу. – Детский сад, да и только. Пишите.

Она протянула мне чистый лист.

– А что писать?

– Заявление об утере документов.

– Извините, – я ощутил свою неловкость. – Но у вас ручки не будет?

Девушка тяжело вздохнула и подала мне ручку. Мои пальцы ощутили тепло, нагретой от постоянной писанины пластмассы.

– Вот, – протянул я ей новое заявление.

Паспортистка пробежала по нему глазами.

– Правильно? – осведомился я.

– Правильно, – она сложила мои заявления вместе. – Теперь четыре фотографии на паспорт, документ об установлении личности.

– А если его нет?

– Ну что-то у вас должно быть, – девушка начала понемногу оттаивать.

Наверное мой жалкий вид разжалобил эту фарфоровую куклу.

– У меня ничего нет, – пожал я плечами. – Вот только справка.

Я протянул паспортистке злополучный листок.

– Это документом являться не может, – девушка отстранила бумажку. – Нужно с фотографией. Пропуск, водительские права.

Я удручено вздохнул.

– Ну так что мне теперь делать?

– Я не знаю, – она повертела справку. – Это документом быть не может. Знаете что, сходите в домоуправление, принесите выписку из домовой книги. Они там знают.

Я начал ощущать, что очередная дверь в моей жизни может захлопнуться.

– Но, девушка, как вам объяснить, – я не мог найти подходящих слов. – Дело в том, что я из другого города.

Снова ложь. Ложь во имя правды. Я стал осознавать, что всю оставшуюся жизнь мне придется лгать. Лгать людям, лгать себе. Это было ужасно, но другого выхода у меня не было. Я осознавал свою беспомощность перед этой хрупкой девушкой, то и дело шелестевшей бумажками.

– Значит, вам нужно съездить туда и привезти оттуда бумагу. В конце концов, там, где вы получали паспорт, все сведения о вас сохранились. Привезете, тогда и поговорим, – она отложила мои заявления в сторону и тут же завалила их грудой других бумаг.

Лгать о том, что тот паспортный стол сторел, город разрушен, мне почему-то не хотелось. Да это и не имело смысла.

– До свидания, – обреченно произнес я и вышел душевной комнаты кабинета на улицу.

Немного поразмыслив, я направился в ближайшую столовую, где скорее не позавтракал, а перебил аппетит, что хоть как-то заглушило чувство голода. Затем, заскочив в соседний магазин, и купив на оставшиеся деньги батон и бутылку молока, я отправился к Соломону.

Соломона дома не было. Дверь была прикрыта на клямку с всунутой в нее палочкой. Старый еврей не опасался, что его обворуют. Помедлив, я направился в парк, отыскал вчерашнюю скамейку, присел. Стайка голубей, учуяв запах хлеба, тут же слетелась к моим ногам и стала ворковать, ожидая долгожданного угощения. Я надломил батон, раскрошил его в руке и бро-

сил вечно голодной ораве, которая тут же бубня и толкаясь крыльями, принялась набивать крошками свой ненасытный зоб. Так, подкармливая голубей, я незаметно съел батон, запивая его подкисшим молоком. Стряхнув последние крошки на землю, я достал сигарету и закурил. Голуби, покрутив головами и осознав, что больше от меня ждать нечего, сердито надулись, вспорхнули и улетели в поисках следующего куска хлеба.

Идти было некуда. Денег тоже не осталось. Можно было бы конечно сдать бутылку, но я решил не утруждать себя. А аккуратно опустил бутылку в урну, наслаждаясь мелодичным звоном, который она издала, ударяясь о металлическую стенку.

– Нехорошо, молодой человек. Нехорошо, – раздался за спиной скрипучий голос Соломона. – Вы выбросите, другой выбросит, а молоко затем куда наливать?

Старик достал бутылку из урны и сунул ее в сшитую из мешковины сумку, где уже позвякивала пара таких же ее подружек.

– Соломон что? Соломон только спасибо скажет. Тут бутылка, там бутылка. Вот и на хлебешек хватило. А если на это посмотреть с другой стороны? Тут бутылка, там бутылка, а молоко наливать некуда. Нехорошо получается.

Я улыбнулся. Как мне показалось, ворчать по поводу и без повода у Соломона стало жизненной необходимостью.

– Вы уже кушали? – вдруг спросил меня Соломон и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Молоко и батон для такого молодого человека – это не еда. Пойдемте. Голда приготовила чудесный суп. И не отказывайтесь. Соломон не любит, когда кто-то отказывается.

Старик направился к своему дворику. Я послушно поплелся за ним.

– Я ваши годы, знаете, как кушал. Хотя, что я вру. Когда мне было столько же, сколько вам сейчас, кушать было нечего. Но если бы можно было съесть все, Соломон съел бы все. Это теперь ему нужно как воробышку. А может, и вы кушаете, как воробышек? – старик лукаво усмехнулся.

Дома уже ждал обед. Слово предчувствуя мое возвращение, Голда поставила на стол третью тарелку. Сполоснув руки под старым, кое-где проржавевшим умывальником я покорно сел за стол. Соломон раздал хлеб, что-то пробурчал себе под нос, и Голда принялась разливать суп. Обед прошел в молчании. Соломон то и дело косо поглядывал на дочь, и та кротко подливала мне дымящейся, пахнувшей свежей зеленью жидкости. После трапезы Голда занялась мытьем посуды, а мы с Соломоном вышли во двор. Присев на тележку я закурил. Соломон примостился рядышком, зевая и шурясь от яркого весеннего солнца. Пока дымилась сигарета, я успел рассказать Соломону о своих злоключениях, на что тот только вздыхал и покачивал головой. Обычно разговорчивый, он не произнес ни слова и только в конце добавил.

– Без документов теперь нельзя. Посадить могут, – затем ловко спрыгнул с тележки и побежал в дом.

Я достал вторую сигарету. Из открытой форточкой донеслось звяканье посуды и приглушенный голос Голды.

– Только этого нам не хватало! Приводить в дом бог весть кого. Без документов, без денег. А я должна его кормить. А может он бродяга или того хуже – разбойник.

Соломон пытался возражать, но Голда упорно твердила.

– Вы как хотите, но в этом доме этого человека я видеть больше не хочу. Бог мой, и за что мне такая жизнь? – выговоры Голды стали переходить в легкие стенания. – Говорили мне, Голда, уедем. Что тебя здесь держит? Нет, Голде больше всех нужно. Голда добрая душа, всем поможет. Бог мой, жили бы как люди. Хаим уже вторую машину купил, Хава уже третий раз замуж выходит. А я? Полоумный старик, крысы в углах и потерянная молодость. Вся жизнь насмарку.

Причитания Голды становились все тише. Соломон что-то неразборчиво бормотал в оправдание. Вскоре все утихло. На пороге появился старик и, поняв, что я все слышал, развел руками и произнес:

– Женщина. Но что я могу поделывать? Она у меня одна.

Я виновато пожал плечами и направился к калитке, но Соломон остановил меня:

– Вы меня тоже поймите, – словно оправдываясь, произнес он. – Я же тоже не могу вас содержать. Документы что? Бумага. Но без них как без рук. Да и работы у вас нет никакой. Оно же и пропитание.

Соломон изъяснялся скомкано и порою непонятно.

– Я бы и рад вас приютить, но вы тоже должны ее понять. Она всю жизнь возле меня. Все бросить, ради чего? Вот Хаим, – Соломон начал рассказывать о своих многочисленных детях и внуках. – А их у меня семеро. Увижу ли я их. Все зовут, приезжайте папа. Но как я все брошу? Я здесь родился. Мои мама и папа, бабушка и дедушка здесь родились. Как же Соломон сможет все забыть и бросить?

Соломон замолчал. Воспользовавшись паузой, я тихо произнес.

– Спасибо вам за все. Извините, если что не так, – я пожал его сухонькую руку и шагнул за калитку.

– Подождите, – чей-то властный голос остановил меня.

Я оглянулся. На пороге стояла Голда, теребя край своей не снимаемой шали.

– Куда вы пойдете? Оставайтесь пока у нас, – она махнула рукой. – Пока не найдете работу и жилье. Оставайтесь.

Сказала и скрылась в темноте дверного проема. Соломон усмехнулся и лукаво подмигнул мне.

– Женщина. Что я могу поделывать?

Весь оставшийся день я помогал Соломону убирать в парке. Обрезал ветки, возил мусор, подметал дорожки, словно пытался отработать свое пребывание. Соломон изводил меня бесконечными исповедями о современной молодежи, своих родственниках, прошлой и будущей жизни. Поздно вечером, после традиционного чая, я с наслаждением опустился на диван и, не обращая внимания на его хрипы и стоны, уснул.

На следующее утро Соломон потащил меня на другой конец города устраивать на работу. Отстояв на трамвайной остановке почти час мы с трудом втолкнулись в переполненный трамвай, который, как оказалось, ехал в парк. Ждать следующего трамвая не было желания, и мы отправились пешком. Соломон вел меня дворами и закоулками, о существовании которых я даже и не догадывался, хотя в детстве, как мне казалось, я облазил этот городок вдоль и поперек. По дороге он успел рассказать мне все, что знал о начальнике учреждения Тюлькине, в которое он меня хотел пристроить. Из его сумбурных высказываний я понял, что мы идем в городской автопарк, в котором я когда-то в школе проходил практику и получил свои первые навыки вождения. Так что ничего нового я не узнал. Услышав знакомую фамилию, я улыбнулся, но промолчал. Зачем было знать старику, что мне все и без него давно известно. Зачем пытаться вернуть то, что для меня было потеряно раз и навсегда.

Прошмыгнув в очередную подворотню, мы оказались возле автобазы. Оставив меня дожидаться возле гаражей, Соломон побежал ходатайствовать. Он долго выяснял, где ему можно найти Тюлькина, какое у него сегодня настроение и, получив исчерпывающий ответ, скрылся в одном из зданий. Я, от нечего делать, глазел по сторонам, наблюдая за знакомой мне возней шоферов. Неподалеку от меня, скрывшись по пояс под капотом грузовика, возился парень. Я хотел было подойти к нему, но тут в дверях показался сам начальник автобазы Тюлькин, все такой же грузный, немного мягкотелый, мало разбирающийся в машинах, но при том отменный организатор. Умение сказать что нужно, где нужно и кому нужно и позволило ему

удерживаться на этом месте много лет. Но нерешительность и доверчивое отношение к людям мешало ему продвинуться вверх по карьерной лестнице. Следом за Тюлькиным бежал Соломон.

– Понимаете, Иван Прокофьевич, – на ходу врал старик. – Если бы не обстоятельства. Если бы не родственные связи, я бы и просить не стал.

– Я тебе сотый раз повторяю, – пыхтел Тюлькин. – Без документов не приму. Мало ли какая проверка? Что я им петь буду?

– Иван Прокофьевич, – не унимался Соломон. – Вы ведь не первый день работаете. Что для вас проверка?

– Я сказал нет, – Тюлькин был настроен категорически. – И не проси.

– Но все же, – в глазах у Соломона теплилась последняя надежда.

– Нет, – Тюлькин направился к молодому парню, что ковырялся под капотом одного из грузовиков.

Проходя мимо меня, Тюлькин бросил оценивающий взгляд. Соломон не отставал от него ни на шаг.

– Иван Прокофьевич, я в долгу не останусь.

Начальник ничего не ответил. Подойдя к грузовику, он с деловым видом заглянул под капот.

– Ну, Василий, что у тебя?

– Да черт его знает, – парень соскочил на землю.

Он был почти одного роста со мной, наверное, мой ровесник, с рыжей вихрастой шевелюрой. Он стригся почти под ноль, но это не помогало ему скрыть свои вихры, которые торчали в разные стороны. – Понять не могу в чем дело. То заводится, как положено, то глохнет.

– Стартер смотрел?

– Смотрел, – парень вытирал руки грязной тряпкой. – Сколько раз Евсеичу говорил, что мотор надо ставить новый.

– Где ж его взять то, новый? – озабоченно вздохнул Тюлькин.

– А мне что? – ныл парень. – На этой развалюхе кататься? Так я и на хлеб не заработаю.

– Ну не прибедняйся, – Тюлькин ехидно взглянул на Василия.

Затем, переведя взгляд на Соломона, снова тяжело вздохнул.

– Я же тебе сказал, что не возьму.

Соломон опустил глаза. Его старания оказались напрасными.

– Ну, раз нет, значит, нет, – Соломон устало опустил плечи и уныло посмотрел в мою сторону.

– Да ты пойми, – начал оправдываться Тюлькин. – Возьми я так одного, потом второго, потом все захотят. А это все же ответственность. А мне это надо?

– Я понимаю, – сопел Соломон.

– Да что ты понимаешь? – Тюлькин махнул рукой. – Я и не против тебе помочь, но без документов никак.

– Я понимаю, – кивал головой Соломон.

– У меня таких гавриков пятьдесят человек, – Тюлькин кивнул в сторону вихрастого. – Ну, чего стоишь?

– А что мне еще делать? – удивленно воскликнул парень. – Надо новый мотор ставить.

– Вот видишь, – Тюлькин снова обратился к Соломону. – И так каждый день. А где я им возьму новое? Из своего кармана?

– А карбюратор смотрели? – сам не зная, почему я решил вставить свое слово в разговор.

– Карбюратор? – Тюлькин почесал затылок и повернулся к парню. – Смотрел?

– Нет, а что? – Василий недоуменно хлопал глазами.

– Ну так посмотри, – Тюлькин кивнул в сторону грузовика.

Парень нехотя залез под капот, спустя минуту вынырнул оттуда с сияющим лицом.

– И точно карбюратор! – радостно воскликнул он. – А я то думал!

– Думал! Ничего ты не думал, – передразнил его Тюлькин и, повернувшись ко мне, спросил. – А ты что, в технике разбираешься?

– Да так, – я пожал плечами. – Немножко.

– Немножко? – Тюлькин недоверчиво посмотрел на меня. – А эту машину не помотришь?

Начальник направился к стоящей неподалеку легковой машине. Соломон легонько подтолкнул меня, и я направился следом за Тюлькиным.

– Что с ней? – с видом знатока спросил я, подходя к старенькой, местами проржавевшей волге.

– Да я и сам толком не знаю, – Тюлькин шмыгнул носом. – Она хоть у меня и старушка, но еще на ходу. Только вот бензина жрет, не успеваю заправлять. Может, глянешь?

– Можно и посмотреть, – привычными движениями я открыл капот и стал осматривать автомобиль.

В отличие от внешнего вида, внутренности были в идеальном порядке. Устранить неисправность было для меня плевым делом. Я немало часов провел лежа под командирской волгой, служа в армии. Да и после армии мне не раз приходилось ремонтировать машины своим друзьям и знакомым. С закрытыми глазами я мог разобрать любой двигатель и поставить его на место. Захлопнув капот, я повернулся к Тюлькину, который все еще недоверчиво косился на меня.

– Вроде готово, – я оглянулся по сторонам в поисках тряпки, чтобы вытереть руки.

Тюлькин уловил это и протянул мне кусок ветоши.

– Так ты говоришь, что документы будут готовы недели через две? – Тюлькин обращался к Соломону.

– Да, да, – соврал старик. – Может и раньше.

– А, черт с тобой! – начальник махнул рукой. – Уговорил. Но, если что...

– Ручаюсь, как за самого себя, – Соломон начал рассыпаться в любезностях, но Тюлькин его уже не слушал.

– Пойдем, – кивнул он мне. – Я скажу, чтобы тебя оформили. А документы принесешь, когда сделаешь.

Я послушно двинулся следом за Тюлькиным. Соломон, понимая, что его миссия на этом закончена, отправился домой. Отойдя пару шагов, он остановился и, повернувшись ко мне, спросил.

– Дорогу обратно найдешь?

– Постараюсь, – солгал я старику.

«Какое постараюсь? Я знал этот путь от и до, я знал каждый поворот, каждую выбоину на асфальте. Но зачем старику об этом знать? Ведь я был для него, для всех, впрочем, и для себя самого приедем из другого города, пришельцем из другого мира».

Я прошел за Тюлькиным в отдел кадров, который, как и много лет назад, располагался на первом этаже административного здания. С тех времен мало что там изменилось, если не считать людей, которые там работали. Все те же полосатые обои, все тот же вытертый линолеум, все те же герани на окнах. Тюлькин окинул взглядом кабинет и, мотнув головой в сторону пустующего, заваленного бумагами стола, обратился к девушке с пышной копной каштановых волос. Она сидела за соседним столом, и что-то печатала на машинке. В отличие от ее соседки, на столе был идеальный порядок.

– А где Лариса Васильевна? – Тюлькин подошел к девушке.

– На больничном, – не отрываясь от работы, ответила девушка.

– Значит, вы, Люсенька, сегодня за главного?

– А что? – девушка не обращала никакого внимания на начальника.

– Вот, Люсенька, – самодовольно произнес Тюлькин. – Принимайте в наши ряды пополнение.

Люсенька на мгновение оставила свою работу, бросила взгляд на меня и снова застучала по клавишам.

– Иван Прокофьевич, вы же знаете, что без Ларисы Васильевны я не могу. Вы же ее знаете.

– Люсенька, – Тюлькин склонился к девушке. – Это такой пустяк. Если что, сошлетесь на меня.

– Вам легко говорить, – было видно, что Люсенька явно недолюбливает свою сослуживицу. – А мне потом выслушивать.

– Я сам ей скажу, – настаивал Тюлькин.

Это звучало убедительно, и Люсенька согласилась.

– Документы с собой? – не отрываясь от печатанья, бросила она в мою сторону.

– Понимаешь, Люсенька, – Тюлькин зашептал на ухо девушке, как будто не хотел, чтобы его слышали окружающие, хотя кроме нас троих в кабинете никого не было. – Тут небольшая загвоздка. Ты его оформи, а документы он принесет попозже.

– Иван Прокофьевич, – девушка удивленно вскинула брови. – Вы понимаете?

– Я все понимаю, – Тюлькин покосился на меня. – Под мою ответственность.

– Ну, если только под вашу, – Люсенька обречено вздохнула.

– Понимаешь, – Тюлькин снова зашептал на ухо Люсеньке. – Ты его оформи, а документы он принесет попозже.

Девушка снова недоуменно посмотрела на начальника, но возражать не стала. Отодвинув машинку в сторону, она выудила из соседнего стола толстую папку и протянула мне листок бумаги.

– Пишите заявление.

– А у вас образец есть? – я не хотел с первого дня показаться неучем в таких делах.

– Вот, – девушка протянула мне исписанный листок.

Я медлил.

– Что еще?

– У вас ручки лишней не будет?

Люсенька озабоченно вздохнула и протянула мне ручку. Я быстро стал строчить заявление. Тюлькин все это время что-то шептал на ухо девушке. Та мило улыбалась и пыталась убрать с лица непослушную каштановую прядь, которая все время мешала ей. Я быстро набросал заявление и протянул его девушке. Та пробежала глазами по листку и передала его Тюлькину. Тот, в свою очередь, не глядя, поставил на нем свою подпись.

– Ну, вот ты теперь наш работник, – обратился он ко мне и направился к выходу.

– Иван Прокофьевич, – остановила его Люсенька. – Каким числом оформлять?

– Завтрашним, – ответил Тюлькин.

– А кем?

– Ну, – Тюлькин задумался. – Оформляй пока механиком, а там посмотрим. Да, как тебя звать то?

– Борисом, – я еле вспомнил свое нынешнее имя. – Борис Сазонов.

– Ну, Боря, Люсенька тебе все объяснит, все расскажет. А мне пора идти работать.

Тюлькин вышел за дверь. Я остался один на один с Люсенькой.

– Фамилия, – Люсенька начала заполнять бумаги.

– Столяров.

Девушка удивленно посмотрела на меня. В заявлении значилась совершенно другая фамилия. Я понял свою ошибку и поспешил исправиться.

- Сазонов.
- Имя, Отчество.
- Борис Алексеевич, – мой разум упорно не хотел привыкать к новому имени.
- Год рождения.
- Шестьдесят восьмой.
- Образование.
- Среднее специальное.
- Семейно положение.
- Женат, вернее холост.

Девушка снова недоуменно посмотрела на меня.

- Холост, – я понимал, что выгляжу довольно глупо.

Люсенька продолжала заполнять какие-то бумажки, попутно задавая мне вопросы. На некоторые я отвечал сразу, не раздумывая. Некоторые вопросы ставили меня в тупик, и мне приходилось делать над собой усилие, чтобы ответить правильно.

- Домашний адрес, – мой допрос подходил к концу.

Я снова задумался. Сообщать свой старый адрес было бы бессмысленно. Называть адрес Соломона было бы бестактным.

- Где вы прописаны? – девушка нетерпеливо поглядывала то на меня, то на часы.
- Да пока нигде, – пожал я плечами. – Я думал, может у вас есть какое-нибудь общежитие.
- Иван Прокофьевич об этом ничего не говорил, – заметила девушка.
- Я знаю, – вид у меня был довольно жалкий.

Еще ни разу в жизни мне не приходилось испытывать такое унижение, как сейчас. Я был полностью в руках этой молоденькой девчушки. Один неверный шаг, одно неверное слово могло все испортить. И что потом? Снова пытаться доказывать себе, доказывать окружающим, что я не Сазонов Борис Алексеевич, а Столяров Алексей Николаевич. Что в этой жизни у меня есть квартира, жена, маленькая дочь. Что я имею право на все это. Но только кто в это поверит, если я сам в это уже не верю. Есть лишь чудовищная ошибка глупой медсестры, присвоившей мне чужое имя, чужую жизнь. Есть лишь бесполезная помощь врачей, давших мне чужое лицо. Лицо, с которым мне придется учиться жить заново.

Мне хотелось плюнуть на все, и выйти из душного кабинета. Но я повел бы себя, как последний мерзавец, махнув рукой на снисходительность Тюлькина, на фарисейство Соломона, да и эта девушка пошла мне навстречу вопреки какой-то там Ларисе Васильевне. Я мог наплевать на себя, но я не мог оттолкнуть людей, которые мне дали шанс на возвращение.

Люсенька, видя мою заминку, сняла телефонную трубку, набрала номер.

– Иван Прокофьевич? Я по поводу новенького. Что мне с ним делать? У него нет прописки, а вы же сами знаете, что без прописки я не могу принять его на работу. Что? Конечно. Вы думаете, что есть? Спасибо.

Девушка, не кладя трубку, стала звонить по другому номеру.

– Татьяна? Привет. Это Люся. Да нет, как обычно. Пока одна. Мегера на больничном. Да, отдыхаю. Вся в бумагах. Не знаю, когда и разгребусь. Слушай, я чего звоню. Тут одного нужно к тебе пристроить. Я знаю, что нет. Но ты постарайся. Это протеже Тюлькина. Поищи. Уплотни. Это ты сама к нему обращайся. Мне велено, вот я и выполняю. Что? Хорошо. Пусть зайдет после обеда? Договорились. Нет, никуда. К тебе? По какому это поводу? Слушай, я совсем забыла. Хорошо, что ты напомнила. Во сколько? В три? Приду. Обязательно приду. А кто будет? Только свои? Я знаю твоих своих. Васька будет? Да так, ничего. Что ты! Это не я за ним, это он за мной бегаёт. А я не тороплюсь. Успею еще. Ну, ладненько, у меня тут клиент. Я тебе потом перезвоню. Пока.

Наконец-то Люся положила трубку и, улыбаясь, снова обратилась ко мне.

- А вы везунчик.

- В каком смысле? – не понял я.
- Тюлькин за вас хлопочет. Вы, случайно, не родственник?
- Нет, – я отрицательно покачал головой. – А что?
- Да так, – Люся снова принялась заполнять бумаги.

Ожидая приговора, я бесцельно глазел в окно, за которым возле машин копошились люди. Техника была старая, добитая погодой и работой. Ее неоднократно ремонтировали, подлатывали, подкрашивали. Но и эти заботы не могли скрыть от глаз нищеты и убогости автопарка. И здесь мне предстояло работать. Предстояло заново заводить знакомства, заново узнавать людей, заново приспособливаться. Но я не думал об этом. Я думал только о своих Ольке и Наташе. Как они там? Оляка, наверное, в детском саду. Как улажу с делами, надо будет заглянуть, хотя бы одним глазком вновь посмотреть на нее. Да и нужно будет попытаться еще раз поговорить с Наташей. Ведь можно изменить фамилию, имя, лицо, но душу изменить нельзя, как сказала Анна Петровна. Увы, моя старая, добрая учительница, позвольте с вами не согласиться. Человек меняется, меняется его душа. И она претерпевает изменения как ничто другое в этой жизни.

– Молодой человек, вы что, уснули? – мелодичный голос вывел меня из моих раздумий. Я встрепенулся.

– Что?

– Распишитесь, – Люся протянула мне листок бумаги и ручкой ткнула в то место, где я должен был поставить свою подпись.

Я помедлил и вывел на листе бумаги Саз и следом какую-то закорючку.

– Пойдемте, я вам покажу рабочее место и отведу в общежитие, – Люся убрала бумаги в стол и направилась к двери.

Я безропотно отправился за ней следом.

– Аванс у нас двадцатого, зарплата пятого, – скороговоркой лепетала Люся, ведя меня по территории автопарка. – С авансом вы опоздали, да он вам пока и не положен, пока нет приказа о зачислении. Деньги получать будете в бухгалтерии. Дверь напротив нашего кабинета. Работать будете механиком. Первое время в помощниках. Вон у того рыжего.

Девушка кивнула в сторону все еще возившегося с машиной вихрастого парня. Проходя мимо него, она остановилась.

– Принимай пополнение, – Люся лукаво взглянула на парня.

– С какой стати? – ухмыльнулся он в ответ.

– Это ты у Тюлькина спроси, – бойко отрезала Люся. – Знакомьтесь.

– Василий, – парень нехотя протянул мне руку.

– Борис, – я пожал шершавую, вымазанную машинным маслом ладонь.

– Когда заступаешь? – Василий недоверчиво косился на меня.

У него в голове все еще вертелся злополучный карбюратор.

– Завтра, – вместо меня ответила Люся.

– Завтра, так завтра, – Василий пожал плечами. – И как думаешь? На постоянно или на временно?

– Скорее всего на постоянно, – ответил я.

– Ну-ну, – прогундосил Василий и снова полез под капот.

– Слышь, Вась, – Люся дернула парня за штанину. – Тебя Татьяна ничего не говорила?

– О чем? – Василий вылез из-под капота.

– Про воскресенье?

– Ну, говорила, а что?

– Да так, – Люся отошла от машины и, кивнула головой в мою сторону. – Пойдем в общагу. А то Татьяна уйдет, и не заселишься.

И я снова послушно, как ручная собачонка зашагал следом за Люсей. Общежитие было расположено на другой стороне дороги, так что идти далеко не пришлось. Это было довольно обшарпанное трехэтажное здание с полуразвалившимся крыльцом. Похоже, с тех пор как его построили, никому и в голову не пришло его подремонтировать и подлатать. Мы прошли через висевшие на одной петле двери и оказались в вестибюле. Люся пошла искать Татьяну. Я снова стал ждать. Пробегавшие туда-сюда девчухи в халатиках, едва прикрывавших их тела, косились в мою сторону и, о чем-то перешептываясь, скрывались в длинных коридорах.

Татьяна оказалась довольно бойкой и говорливой теткой лет под сорок. Рассказывая подруге последние новости и сплетни, совершенно не стесняясь моего присутствия, она провела нас по давно некрашеной лестнице на третий этаж в самую дальнюю комнату.

– Вот, – широким жестом она распахнула дверь. – Тут и будешь жить. Не палаты, но вполне сносно. сосед нормальный. Да ты, наверное, его видел. Рыжий такой, вихрастый.

– Василий? – удивился я.

– Так вы уже знакомы? – воскликнула Татьяна. – Тем лучше. Правила у нас простые, но строгие. Никаких пьянок, никаких гулянок. Туалет и душ в конце коридора. Кухня там же. Постель меняем по субботам. С ключом договоришься с Васькой. Если что надо, обращайся ко мне.

– А где вас можно найти?

– На первом этаже спросишь на вахте, там скажут. Ну, располагайся.

Татьяна бросила на панцирную кровать с железными спинками, прихваченное по дороге свежее белье. Оно было серым и пахло сыростью. Пока я возился с бельем и проверял на прочность кровать, Татьяна и Люся успели переброситься парой слов.

– Откуда?

– Протеже Тюлькина.

– Не родственник?

– Вроде нет.

– Скоро весь автопарк будет из одних его родственников.

– А тебе то что?

– Да ничего. Про воскресенье не забыла?

– Нет. Помню.

– Ну как? – Татьяна повернулась ко мне. – Устраивает жилье?

– Вполне, – я растерянно развел руками.

– Вещи можешь перевезти в любое время.

– Да у меня их и нет, – я глупо улыбался.

– Как нет? – Татьяна удивленно взглянула на меня.

– Я тебе потом все объясню, – Люся потянула Татьяну из комнаты. – Не мешай человеку обживаться на новом месте.

– Второй ключ у Васьки! – бросила Татьяна, исчезая за дверью.

– Не забудьте про документы, – вместо прощания бросила Люся и исчезла вслед за подругой.

Я остался один в пустой комнате. Опустившись на кровать, я стал рассматривать свое новое жилище. Это была довольно просторная комната, единственное окно которой выходило прямо на улицу. Оклеенная когда-то светло-голубыми обоями, она казалась еще большей. Со временем обои потускнели и приобрели сероватый оттенок. Вся меблировка комнаты состояла из двух кроватей, обеденного стола, пару разнокалиберных стульев и встроенного шкафа у входа. Шкаф был также выкрашен в неестественный голубой цвет и высился до самого потолка. Если бы не застеленная кровать и коврик с охотниками на привале над ней, можно было бы подумать, что в комнате никто не живет. Должно быть, здешний обитатель не очень-то и заботился о домашнем уюте. Говорят, что по мебели и вещам можно определить характер

хозяина. Но эта обстановка мне ничего не говорила. Я заглянул в шкаф, надеясь отыскать там хоть какие-то признаки жизни. В шкафу, кроме кипы старых газет и пустых бутылок из-под пива тоже ничего не было.

– Похоже, что мой сосед здесь практически не обитает, – заключил я, закрывая дверцу шкафа.

Время тянулось медленно. Я глазел в окно на прохожих и проносящиеся мимо автомобили. Мне хотелось уйти, но я не мог этого сделать. Нужно было дождаться хозяина, чтобы взять у него ключ от комнаты. Но хозяин не торопился возвращаться. За окном темнело. В конце улицы тускло засветился одинокий фонарь. Заморосил зябкий дождь. В комнате стало сыро и прохладно. Я потрогал рукой батарею. Она была холодной, как лед.

– Отопление уже отключили, – я поежился и отошел от окна.

Мне надоело ждать неведомого соседа, и я решил вернуться к Соломону. Старик, наверное, давно ждет меня, чтобы узнать о плодах своих хлопот. Я был просто обязан хотя бы сказать ему спасибо за его труды, ведь отблагодарить его как следует мне все равно было нечем. За комнату я не волновался. Красть здесь все равно было нечего. Не успел я об этом подумать, как дверь распахнулась, и в свете дверного проема я увидел уже знакомый мне силуэт Василия.

– Ты? – удивленно спросил он, входя в свои законные владения. – Что ты тут делаешь?

– Живу.

– А почему без света? – Василий щелкнул выключателем, и яркий свет ослепил мне глаза.

– Да так, – я пожал плечами.

Василий что-то бросил в шкаф и направился к выходу.

– Подожди, – остановил я его.

– Что еще? – Василий явно не был настроен на разговоры со мной.

– Мне сказали, что у тебя есть второй ключ от комнаты.

– Ключ? – Василий поморщился. – И кто это тебе сказал?

– Татьяна, – я рассеянно смотрел на своего соседа.

– С чего она это взяла? – Василий начал шарить в карманах.

Выудив ключ, он протянул его мне.

– На, возьми. Только он один. Если захочешь, сделаешь себе дубликат. Хотя не стоит. Я здесь бываю редко. Будешь уходить куда, положи его под коврик.

Василий выскочил за дверь. Я погасил свет и вышел вслед за ним. Когда я проходил мимо вахты, старушка вахтерша визгливо проговорила:

– Молодой человек, вы откуда?

– Живу я тут, – буркнул я в ответ.

Старушка удивленно посмотрела на меня. Девчушки в халатиках, которые постоянно паслись на первом этаже, утвердительно закивали головами.

– И давно?

– С сегодняшнего дня.

– Все равно, – вахтерша пыталась реабилитироваться. – У нас вход до одиннадцати.

Потом пускать не буду.

– Я успею, – проговорил я и вышел на улицу.

На улице моросил промозглый дождь. Я втянул голову в плечи и засеменял к трамвайной остановке. К счастью трамвая долго ждать не пришлось. Я хотел было вскочить в открывшуюся дверь, как мысль, что у меня нет денег на проезд, остановила меня. Мне ничего не оставалось делать, как идти пешком через весь город. Ожидая своего соседа, я засиделся дотемна, и наведать дочурку в детском саду не представлялось возможным. Идти же домой я опасался. Опасался вновь встретить холодный взгляд жены, удивленное лицо дочери. Опасался встречи с прошлым, не отпускавшим меня и не дававшим прохода в настоящее.

– Ничего, – успокаивал я себя, быстрым шагом ступая по мокрой скользкой мостовой. – Завтра обязательно схожу. После работы первым делом к ней. А может, снова попытаться поговорить с Наташкой? Хотя нет. Пока не стоит.

Перескакивая лужицы, я торопился к Соломону. Вот и калитка, дворик со стоящей посреди тачкой с мусором, дверь в обитель чудного старика. Света в окнах не было.

– Неужели он спит? – я не решался постучать в дверь, боясь разбудить Голду, у которой ко мне было предвзятое отношение. – Вряд ли. Разве он ляжет спать, не дождавшись меня? Соломон не из тех людей, которые успокаиваются, замолвив словечко. Он непременно ждет известий от меня. Плохих или хороших, лишь бы известий.

Я постучал в дверь. Долго никто не открывал и я решил, что старик с дочерью действительно легли спать. Удрученный я отошел от двери, не пробуя постучать еще раз. Не успел я сделать и пару шагов, как меня окликнул голос Голды.

– Вы что-то хотели?

Я обернулся. Голда стояла на крыльце в накинутом поверх ночной сорочки платке.

– Я хотел поговорить с Соломоном.

– Он спит, – твердо произнесла она. – Я не стану его будить. Если хотите с ним поговорить, приходите завтра, а лучше...

Голда оглянулась по сторонам, словно опасаясь, что старик ее подслушивает.

– А лучше вообще сюда не приходите.

– Как скажете, – я повернул прочь.

Дойдя до калитки, я остановился и обернулся. Голда все еще стояла на крыльце, провожая меня надменным взглядом.

– Если вас не затруднит, передайте ему спасибо за его труды.

Голда лишь кивнула головой. Я вышел за калитку и неторопливо зашагал к своему новому местожительству. Проходя мимо своего двора, я не удержался, чтобы не зайти и не взглянуть на родные окна. В них, не смотря на поздний час, горел свет.

– Интересно, чем они там делают? – я сел на качели и, раскачиваясь, смотрел на желтые квадратики окон, за которыми никому не было до меня дела.

– Ты снова тут болтаешься? – из подъезда показалась грузная тетка с ведром. Та же, что и в первый мой визит. – Я сейчас милицию вызову! Шляются тут всякие!

Я медленно встал с качелей и, бросив еще раз взгляд на окна, снова неторопливо зашагал по засыпающему городу.

В общежитие я добрался уже за полночь. Вахтерша долго не хотела открывать дверь, но, в конце концов, сжалась и впустила меня.

– Я же говорила, что у нас до одиннадцати, – пыхтела она, запирая дверь на огромный самодельный засов. – Следующий раз не впусти! Учти!

– Учту, – равнодушно произнес я и поднялся к себе в комнату.

Не включая свет, и не раздеваясь, я бухнулся на кровать. Сквозь пыльное окно пробивался тусклый свет фонаря, вырисовывая на потолке неровный прямоугольник. Закинув руки за голову, я смотрел на потолок и размышлял о своем будущем. Что завтра мне преподнесет его величество жизнь? Какими подарками и сюрпризами она меня одарит? Чем наградит за мои мучения и терзания? Но, так или иначе, я должен быть благодарен судьбе, которая, хоть и таким жестоким способом, дала мне новую жизнь. И эту новую жизнь я должен прожить достойно. Забыв все обиды, все беды и горести прошлого. Забыв все, что со мною было раньше. Все то, что я просто не мог и не хотел вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.